

Окружение в третьей рукописи Повести о Псковском взятии памятниками с хронологическими рамками 1527—1529 гг. отнюдь не означает, что данный список самой Повести был составлен не ранее этих лет. Третья рукопись распадается на несколько тетрадей, из которых одна должна была лечь в основу всей рукописи, и возможно, что именно тетрадь с Повестью о Псковском взятии была первоначальной. Однако это лишь наше предположение; значительно ценнее результаты сравнительного изучения текстов в списке Арханг. собр. Д. 193 и Рум. музея № 255, которые позволяют сделать определенный вывод о старшинстве текста Повести в нашем списке. В этом направлении первое наше наблюдение сводится к тому, что в тексте Архангельского списка имеется упоминание имени великой княгини Соломонии, отсутствующее в списке Румянцевского музея. Наличие имени Соломонии в одном списке и отсутствие его в другом объясняется временем составления текстов, дошедших в обоих списках. Список Арханг. собр. Д. 193 ближе к протографу, написанному до 1525 г., т. е. до развода в этом году Василия III с Соломонией. Текст в списке Рум. музея № 255 составлялся после 1525 г., — в годы правления Елены Глинской или ее сына Ивана Грозного, когда имя первой соправительницы Василия III предпочитали не упоминать.

Старшинство текста в Архангельском списке подтверждается и другим наблюдением. В этом списке отчетливее заметно влияние источников, которые использовались автором при создании Повести. Так, приводя речь великокняжеских представителей, автор Повести сбивается на дословное цитирование княжеской грамоты: «И ныне же, мы, Василий божиею милостию государь всея Руси и великий князь, на вас милость свою показуем, аще вы, и наша отчина Псков, наше жалование узнаете и нашу волю государьскую всю учините».⁸ В списке Румянцевского музея этот текст подвергся литературной обработке и приводится уже от имени княжеских представителей в третьем лице: «И ныне же великий государь милость вам кажет и свое жалование, аще вы волю государеву сотворите...».⁹ В другом случае автор Повести подробно пересказывает документ, но с целью сокращения его употребляет формулу «и прочая»,¹⁰ которая в списке Рум. музея № 255, более отдаленном от оригинала, уже исчезает. Нет в Румянцевском списке и похвалы Василию III, который, избегая кровопролития, «как есть истинный христианский государь, не памятуя к себе гробности и невежества отчины своея Пскова, абие утоли гнев свой»¹¹ не послал на Псков рать, а ограничился убеждением псковичей через своего посла дьяка Долматова.

Помимо приведенных, между списками имеются и другие менее существенные разночтения, условно разделяемые нами на два вида: смысловые и языковые.

Укажем некоторые из разночтений, придающих иной смысловой оттенок тексту. Так, в списке Арханг. собр. Д. 193 уточняется, что Василий III велел вывести на владычный двор не просто посадников и «прочих пскович», как это сказано в Румянцевском списке, а посадников и прочих всех людей лучших,¹² что брат Василия III, Андрей Иванович, был меньший.¹³ Позднее этот термин вошел и в летопись. Более навязчиво, чем в Румянцевском списке, в списке Арханг. собр. Д. 193 подчеркивается мысль, что

⁸ Там же, л. 439 об.

⁹ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова..., стр. 188.

¹⁰ БАН, Арханг. собр. Д. 193, л. 439 об.

¹¹ Там же, л. 440.

¹² Там же, л. 439.

¹³ Там же, лл. 437, 442.